

4.2. Эмигранты, диссиденты за рубежом

А. Г. АВТОРХАНОВ

Брежнев: опыт политической характеристики

Свой исторический очерк «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» Маркс начинает следующими знаменательными словами: «Гегель где-то отмечает, что все великие всемирно-исторические события и личности, так сказать, появляются дважды. Он забыл прибавить: первый раз в виде трагедии, второй раз в виде фарса. Коссидьер вместо Дантона, Луи Блан вместо Робеспьера, Гора 1848–1851 гг. вместо Горы 1789–1795 гг., племянник вместо дяди (т. е. Наполеон III вместо Наполеона I. — А. А.)... Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых»*. Эти слова Маркса невольно вклиниваются в сознание, когда задумываешься над перманентными политическими спектаклями на кремлевской сцене по фабрикации нового культа Брежнева. Эти спектакли, разыгрываемые актерами невероятной духовной пустоты и редкой творческой импотенции, выдаются за «исторические события», чтобы самого главного актера объявить великой «исторической личностью». Поскольку канонизированный идол поклонения у них у всех «культ культов» — Ленин, — то каждый его очередной наследник начинает с того, что объявляет самого себя «Лениным сегодня». Так поступал Сталин, так поступал Хрущев, так поступает сегодня Брежнев.

Партаппаратчики рекламируют своих очередных вождей по тем же принципам, что и коммерческий делец свои небезупречные товары, — поэтому они в рекламах куда лучше, чем в натуре. Партийный торгош учитывает при этом не только конъюнктуру политического рынка, но и спрос партийного потребителя. Сегодняшней партии нужны не Сталины-головорезы или Хрущевы-головотяпы. Партии нужен новый тип вождя — достаточно партийный,

---

* Карл Маркс. Избр. произв. в 2-х тт. Партиздат, 1935, т. II, стр. 250.

чтобы стоять на страже ее интересов; достаточно военный, чтобы не сдерживать прозорливость военной машины; достаточно полицейский, чтобы понимать, на чем держится режим. Сочетание этих трех действительно ведущих и направляющих сил советского государства — партии, армии и полиции — представляет собой нынешний «генсек». В этом сила и бессилие Брежнева. Любые догадки, что новый «культ» уже поставил себя над этими тремя силами, — лишены всякого основания. Для этого он не наделен ни железной волей Сталина, ни беспечным «волюнтаризмом» Хрущева. Брежнев — расчетливый «инженер партийных душ» и трезвый комбинатор сил власти. В то же время он из уроков истории великолепно освоил, что на кремлевском Олимпе может удержаться лишь тот, кто не противопоставляет себя любой из названных трех сил. Он не повелитель их, как Сталин, он их слуга. В этом его и сила и слабость одновременно. Но иным он и быть не может, ибо сделан из другого материала. В отличие от своих предшественников, он мещанин на вершине власти. Поэтому он не водит, а им водят, играя на его мещанских вкусах. Однако Боже упаси, чтобы об этом узнал народ. Поэтому партаппарат ему создает характеристику, в которой «генсек» едва ли узнает самого себя, но зато народ должен видеть, что наконец в Кремле восседает вождь, наделенный всеми теплыми человеческими качествами, да еще и влюбленный в само человечество. Вот его характеристика в изложении чекиста-партаппаратчика, первого секретаря ЦК Грузии Э. Шеварднадзе¹: «Сегодня нельзя не сказать о человеке, который так высоко поднялся в глазах современников и который так органически слился с родным народом и родной партией. Вчера с трибуны Верховного Совета над всем миром победоносно звучал его удивительно близкий, полный человеческого тепла голос, его заветные слова и отточенные фразы, проникающие в сердца и умы людей... Ленинская простота, научная глубина, большевистская твердость и непоколебимость, глубокий интернационализм, высокий гуманизм, врожденное человеколюбие, призвание быть коллективистом и демократом, революционером по профессии, постоянная готовность брать на себя самую большую ответственность перед народом и партией, стойкий характер, сердце, полное любви к людям, — вот то, чем дорог нам Леонид Ильич Брежнев» («Правда», 6.10.77). Чтобы связать родословную нового культа непосредственно с первоисточником — Лениным, из истории революции и страны вычеркиваются не только имена подлинных организаторов революции и гражданской войны, но и имена основоположников нынешнего военно-полицейского социализма с его тридцатилетней тиранией, вычеркивается последующее

десятилетие интенсивного разоблачения преступлений этой тирании самой же партией. В образовавшуюся пустоту вводят новый культ — так родилась новая формула: «Брежнев — продолжатель дела Ленина». Прямая линия от Октября и Ленина к Брежневу и его «конституции»². По величию своему Брежнев несколько не уступает Ленину. Оптически это было продемонстрировано 7 ноября 1977 г. на Красной площади — два портрета «двух Ильичей» не только красовались рядом, но они были — в нарушение традиции — скроены на один лад и размер, чтобы обыватель вочию убедился, что «исторические личности появляются дважды».

Николай I говорил, что Россией управляет не император, а столоначальники. Брежнев и есть классический тип партийного столоначальника, который доплелся до императорского трона. Но добравшись до трона, он обеими руками вцепился в него. Чтобы понять Ленина, надо читать Макиавелли, Ницше, Бланки, Маркса и даже Нечаева и Ткачева, но чтобы понять психологию партийных столоначальников, надо читать только казенные инструкции и «Табели о рангах». Брежневское поколение ползло к верховному штабу советской империи — к Кремлю — через миллионы трупов своих соотечественников, соблюдая инструкции, соревнуясь в рангах, чинах и получении орденов. Их интересовали не социальные идеалы, пусть даже коммунистические, а только социальное положение, не государственная философия — марксистская или антимарксистская, — а та не всегда надежная лестница, карабкающаяся по которой можно было добраться до вершины государства. Конечно, они рисковали. «Хозяин» был странный, строгий и не всегда разборчивый. Честнейшее холуйство он иногда принимал за коварство, щедрость в похвалах — за нечистоту совести, а если кто переусердствовал в борьбе за «генеральную линию», — обвинял его в «перегибах». В этих условиях до вершины власти добирался не всякий человек, а только такие чиновники, которые внушили и себе, и окружающим, и самому Сталину, что они и есть искомые Сталиным «винтики» для его государственной машины. Но все-таки добраться до Сталина было легче, чем удержаться около него. Мастер читать душу человека по его глазам, Сталин грубо сортировал своих окружающих — на преданных холуев, которых надо использовать, и на мнящих себя «мозгом партии», которых надо уничтожить. Поэтому амбициозные Вознесенские и Кузнецовы клали голову на плаху чекистов, а раболепные Брежневы и Сусловы занимали их кресла в Кремле. До Кремля Брежнев добрался более или менее случайно, так, по стечению обстоятельств. Окончив в 1927 г. землеустроительно-мелиоративный техникум, он начинает карьеру среднего специалиста сельского хозяйства.

По словам его советских биографов, Брежнев проводит эти годы на должностях чиновника земельных отделов в Белоруссии, в Курской области и на Урале. Но удивительный факт — Брежнев добирается до должности первого заместителя начальника Уральского областного земельного управления, а в партию не вступает. В это время в партии разворачивается отчаянная борьба между сталинцами и троцкистами, между сталинцами и зиновьевцами, между сталинцами и бухаринцами, а «потомственный пролетарий» Леонид Брежнев стоит в стороне. Коммунисты ведут в деревне «ожесточенную классовую борьбу», коллективизируют сельское хозяйство, ликвидируют «кулачество», а вот «потомственный пролетарий», землемер Брежнев все еще стоит в стороне, не вступает в партию, наблюдает, выжидает, хотя уже по тогдашнему своему рангу руководящего чиновника Земельного отдела он должен был бы вступить в партию. Но скоро Брежнев узнал, что замзав Земельным отделом — это уже потолок карьеры для беспартийного специалиста. Хочешь дальше наверх — вступай в партию.

В комсомол вступали по Уставу в возрасте 14 лет и оттуда переходили в партию в возрасте 18 лет. Брежнев вступил в комсомол в 1923 г., когда ему было 17 лет, механически выбыл оттуда в возрасте 23 лет (таково тогдашнее уставное положение), но в партию так и не вступил³. Только в 1931 г., в возрасте 25 лет, он приобрел партбилет, когда, вероятно, окончательно убедился, что партбилет и есть единственная возможность делать карьеру. Чтобы начать такую карьеру, он, специалист сельского хозяйства, в разгаре коллективизации бросает бесперспективную деревню, переезжает в свой родной Днепродзержинск и меняет профессию. Теперь он решил попробовать карьеру в городе, для чего поступает в металлургический институт и записывается в партию.

Впрочем, легенда о «потомственном пролетарии» Леониде Брежневе была сочинена задним числом, когда он стал генсеком. Даже из его подправленной и подчищенной казенной биографии явствует, что Брежнев никогда не был на физической работе; более того, рабочим не был и его отец Илья, ибо иначе совершенно непонятно, почему Леонид Брежнев был принят в партию как служащий, что можно доказать документально. Брежнев вступил в кандидаты партии в 1929 году. По действующему тогда Уставу, было установлено три категории по сроку пребывания в кандидатах: *первая категория* — рабочие, шесть месяцев; *вторая категория* — крестьяне, один год; *третья категория* — служащие, два года («КПСС в резолюциях», 1953, ч. I, стр. 124). Причем социальное положение молодых людей, вступающих в кандидаты партии, приравнивалось к социальному положению

их родителей. А Брежнев находился в кандидатах целых два года — с 1929 по 1931 гг. («Л. И. Брежнев. Биографический очерк», 1976, стр. 7). Это доказывает, что ни сам Леонид, ни его отец Илья, не были рабочими, а были служащими. В этом, конечно, нет ничего худого, но характерна сама эта фальсификация биографии генсека. Еще один маленький штрих в этой связи. Биографы сообщают, что Леонид Брежнев учился до революции в *гимназии*, а его отец был в Каменском чернорабочим, как будто чернорабочие (по-советски: разнорабочие) могли себе позволить держать детей в гимназиях, в которых, как правило, обучались дети состоятельных родителей.

Даже получив партбилет и окончив институт, Брежнев не сделал бы сколько-нибудь большой карьеры и в городе, если бы не инквизиция Сталина тридцатых годов. Когда Сталин начал косить старые большевистские кадры партии и государства, в аппарате власти образовался большой вакуум. Его тогда заполняли теми, кто активно помогал Сталину и чекистам разоблачать «врагов народа». Вот через трупы этих старых большевиков-ленинцев и пришло к власти поколение нынешнего «продолжателя дела Ленина» — Брежнева. В 1939 г. он стал — по выдвижению Хрущева — рядовым секретарем Днепропетровского обкома партии. По протекции его бывшего начальника на фронте — Мехлиса — и по предложению того же Хрущева Сталин его сделал в 1952 г., после XIX съезда, секретарем ЦК КПСС и кандидатом в члены Президиума ЦК. После смерти Сталина его вывели из Секретариата и из Президиума ЦК, но цепкий, изворотливый, целеустремленный, терпеливый, как и его «Хозяин», Брежнев оказался выдающимся мастером деланья карьеры. Только года три он находится в «опале»: сначала на посту заместителя начальника Главного политического управления армии, а потом — секретаря ЦК Казахстана. После XX съезда Хрущев уже третий раз оказывает ему покровительство: забирает его в Москву, делает вновь секретарем ЦК КПСС и вводит в состав Президиума ЦК. На этом посту мы увидели два его новых качества, унаследованные у Сталина: затаенную хитрость и невероятное вероломство. 13 октября 1964 г. он возглавил заговор против своего покровителя Хрущева и занял его пост⁴. С морально-этической точки зрения это была черная неблагодарность, но с точки зрения имманентных законов политической игры Брежнев продемонстрировал качества, нужные успешному политику: «волю к власти» и иммунитет против угрызений совести. Но, кажется, он не свободен от комплекса неполноценности, хотя бы потому, что занял кресло, в котором сидели такие яркие личности, как Сталин и Хрущев. Он старается освободиться от этого комплекса имитацией образа

великого государственного мужа советской эпохи, но делает это неуклюже. Лишенный политической фантазии, он копирует давно отжившую старину с ее мертвыми догмами и обветшалыми лозунгами. Духовную убогость своего правления он силится заслонить внешней помпезностью. Появляясь перед общественностью, он теряет естественность, рисуется, надувается, стараясь принять величественную позу, но так как, в отличие от Сталина и Хрущева, он плохой актер⁵, то получается не поза властелина, а пародия на нее. Составленные за него аппаратом серые, скучные доклады, лишенные какой-либо политической оригинальности, войдут в историю как памятник бездарности всей его эпохи. Все унижения, которым он подвергался раньше, на путях к трону, он словно переносит на тех, кто теперь из низов рвется к власти, особенно на молодых, ибо выдвигает он только стариков. Все возжеленные награды, в которых ему раньше отказывали, он берет сейчас с избытком, все высшие чины и ранги, которые только может дать государство, он принимает без малейшего проявления хотя бы внешней скромности. Почти всю войну он прошел в качестве политического комиссара в ранге полковника⁶, сейчас, перескочив через все промежуточные ранги, он маршал Советского Союза; в войну он получил скромное число орденов, приличествующих его чину, сейчас на его маршальском мундире нет свободного места для новых орденов. Через тридцать лет после окончания войны он объявлен Героем Советского Союза за подвиги в этой войне, о которых никто ничего не знает, заодно он объявлен Героем социалистического труда за выполнение хозяйственных планов, которые при нем, как правило, выполняются лишь после занижения. Юридически он имеет сейчас больше власти, чем Сталин. Он — генеральный секретарь ЦК партии, он председатель Политбюро, он председатель Президиума Верховного Совета, он председатель всесильного Совета обороны; совсем недавно сообщили, что он, вдобавок ко всему, еще и Верховный главнокомандующий всеми вооруженными силами СССР. Скоро он получит, если уже не получил, и звание генералиссимуса. Так и чувствуется, что он буквально любит себя и смакует свое столь стремительное восхождение. Но соответствует ли здесь юридическое состояние фактическому положению? Другими словами, кончилась ли эра «коллективного руководства» и стал ли Брежнев единоличным диктатором партии и государства? Читая советскую печать, вы невольно думаете, что сама партия его уже сделала единоличным диктатором. Но это, конечно, ложное впечатление. Во-первых, диктаторов не делают, а они сами делаются, во-вторых, любой диктатор — слева или

справа — это прежде всего революционер-разрушитель старого порядка и основатель новой системы властвования по своему собственному «образу и подобию». Ничего подобного Брежнев не сделал, что вообще невозможно без «революции» сверху. Чем больше ему прибавляют чинов, добавляют орденов и создают авторитет, тем скорее увеличивается его зависимость от тех, кто все это дает. Кто же они? Конечно, то действительное «коллективное руководство», которое образовалось после свержения Хрущева, уже не существует. Не прекращающиеся никогда внутрипартийные интриги привели к тому, что как раз те, кто наиболее активно участвовал в заговоре против Хрущева, оказались один за другим выведенными из Политбюро (Шелепин, Микоян, Шелест, Воронов, Полянский, Подгорный, Мазуров — половина послехрущевского Политбюро). Постепенно Политбюро было обновлено и расширено до 15 человек. Однако это Политбюро не играет уже той законодательной роли, которую оно играло раньше. Внутри него выкристаллизовалось руководящее ядро типа «Директории», куда по всем признакам, поддающимся нашему наблюдению, входят Брежнев, Черненко, Косыгин, Суслов (идеологический аппарат), Кириленко (организационный аппарат), Устинов (военный аппарат), Андропов (полицейский аппарат).

Вот эта «директория» и есть та «ведущая и направляющая сила», с которой Брежнев находится в положении взаимозависимости.

Стало быть, нынешняя советская диктатура, хотя качественно и новая, все еще диктатура «директории», а не отдельного лица. Однако коллективная диктатура — институт не стабильный и по своей логике противоестественный, более того — она опасна как раз для лица, которое ее возглавляет, но которое от нее зависит. Поэтому разумные советские правители свое венчание на единоличного диктатора начинали с уничтожения своих «директорий»: Сталин — с уничтожения ЦК в тридцатые годы, Хрущев — с уничтожения Президиума ЦК в пятидесятые годы.

Способен ли на это Брежнев? Как возраст Брежнева, так и его прагматический оппортунизм говорят против этого. Однако бесспорно и другое: страна и партия психологически подготовлены к признанию Брежнева, если не диктатором, то единоличным вождем. Чтобы им стать на деле, он должен реорганизовать «директорию» и изгнать из Секретариата ЦК его «злого гения» — Суслова. Есть симптомы, что личные ставленники Брежнева как раз и толкают его к этому, чтобы после его исчезновения обеспечить безболезненный переход власти в свои руки.